

План действительно мог удался. Если бы не случилось так, что примерно два месяца назад на гильдию напало огромное бедствие, уничтожив прошлого главу и большинство остальных.

— Раз виновник умер, естественно освободился от насилия. Это действительно радовало, но...

— Вы не освободились своими руками, так что не можете радоваться до конца?

— Именно. Гильдия, которую так долго растил, разрушена более чем наполовину, почти уничтожена, а виновник умер, не произнеся ни слова извинений. Победа со шрамами... Нет, это вообще не победа. Просто.

История, которой не следовало заканчиваться, оборвалась, не завершившись. Наверное, Хуго начал притеснять Юлиана именно тогда. Хоть по завещанию Юлиан и стал главой гильдии, у сопливого мальчишки нет способности управлять гильдией. Сын старого врага теперь вынужден полагаться на Хуго и оставшихся членов гильдии.

Члены гильдии предлагали бросить Юлиана и создать свою гильдию, но закончить так было слишком пусто и обидно. Единственным оставшимся следом прошлого был Юлиан, и он не хотел отпускать эту тонкую ниточку. Хотя и не понимал точно, чего сам хочет.

— Честно говоря, вряд ли весело мучить ребёнка, который не может сопротивляться. Этот ребёнок не сделал мне ничего плохого, да и он сам жил под отцом всегда запуганным. Но невозможно всё забыть и хорошо к нему относиться. То и дело вспоминается прошлое, вскипает злость...

—

— Поэтому, как видите, поддерживаю такое двусмысленное состояние. Не знаю, сколько это продлится.

— Понимаю. Наверное, у вас сложные чувства.

Бертрам ответил максимально спокойно. Действительно, в общих чертах понял, в какой ситуации тот находится. Конечно, не собирался говорить "раз такие обстоятельства, мучить неизбежно", но, по крайней мере, понять, в каком замешательстве находится этот человек, было несложно.

Хуго попросил считать эту историю болтовнёй на ветер. Тогда лучше промолчать, чем давать неуместные советы. Но...

— Но господин Хуго, вы ведь не бросили и не ушли от этого ребёнка, а остались рядом и мучаетесь.

— ...Да?

— Не скажу, что это лучший вариант, но, по крайней мере, это не худший. Пока отношения не прерваны, всегда есть возможность улучшения или изменения.

Хуго на мгновение с растерянным взглядом посмотрел на Бертрама. Он попытался что-то ответить, помямлил, а затем с горькой усмешкой поднялся. Закончив проверку магических формаций, пока говорил, он легко отряхнул руки и отступил на несколько шагов от формации.

— Надеюсь, так и будет. Спасибо, что выслушали эту сумбурную историю.

— Не за что. Если после разговора стало легче, этого достаточно.

— Пора возвращаться. Проверка закончена, и нужно ещё поспать перед ночной работой...

Хуго с виноватой улыбкой поклонился, но Бертрам сделал вид, что не заметил, и ускорил шаг. Болтать с работодателем или слушать о чьей-то жизни – в наёмничестве это случается часто, но почему-то эта история казалась горше прежних.

После долгой ходьбы в тишине они вернулись туда, где были остальные. Похоже, все ещё крепко спали.

— Тогда я снова лягу. Присмотрите за округой. В этом лесу угрожают не только бедствия.

— Понял. Будем осторожны.

Хуго снова забрался в спальный мешок, а Бертрам снова стал патрулировать округу и бросать чёрную сферу тут и там, коротая время. Он погрузился в разные мысли на оставшееся время караула.

Например, вспоминал, как когда-то услышал от Эриха историю о прошлом.

В отличие от сказок детства, история, услышанная напрямую от участника событий, была гораздо более холодной и горькой.

— Были ли мы с твоим предком друзьями? Ну, номинально да. Наверное, сам предок так и думал.

— А Эрих?

— Ну, а я как думал? Может, если бы я тоже думал, что мы друзья, смог бы быстрее выбраться с меньшими потерями?

Безответная любовь, как он слышал. Причём раскрытая безответная любовь, что ещё хуже. Первая любовь юности была несколько слепой, а хуже всего то, что объект любви манипулировал безответными чувствами Эриха. Хоть тогда он и не осознавал, что его используют.

— "Ты ведь любишь меня, так что можешь это сделать?" – такое слышал очень часто. Честно говоря, тогда это подкупало.

Если подумать позже, это были очень эгоистичные слова, но тогда он действительно думал, что это правильно. Раз по своей жадности всё так вышло, хотя они могли остаться друзьями, казалось правильным делать то, что хочет другой.

Так его таскали на всякие нелепые дела, но тогда он не понимал, что это проблема. По крайней мере, тот друг поддерживал улыбающееся лицо и словесно не скупился на лесть, называя его самым дорогим другом. Хоть бы не было этой лести, может, отказался бы раньше.

Даже когда тот друг влюбился в какого-то зверочеловека и искал сокровище, чтобы завоевать его сердце. Говорят, это сокровище было лекарством от болезни зверочеловека. Определённо достойное сокровище, чтобы завоевать сердце.

Но брать с собой Эриха в путешествие за этим сокровищем – не слишком ли жестоко? Ведь мог взять кого-то другого. Точно был кто-то получше, чем друг, который в него влюблён.

— Изначально от такого предложения надо было отказаться. Хоть и без ошейника, но тащился за ним, как скотина на рынок, так что я тоже был глуп... Разве восемнадцать лет – не возраст, когда можно быть немного глупым? Конечно, многие взрослеют раньше, но не все же. Есть те, кто становится менее глупым только с опытом, и, видимо, я был из таких.

А очнулся Эрих в последний момент. В каменной комнате древнего лабиринта, где спрятано лекарство, как только вошли, дверь закрылась, и всё вокруг было заблокировано непонятной магией. Перед растерянным Эрихом предок Бертрама спокойно сказал: если кто-то не пожертвует кровью сердца в качестве платы за сокровище, они никогда не выйдут из этой комнаты. Словно ожидал, что Эрих естественно принесёт себя в жертву.

— Прости, Эрих. Я знал, что это такое место, и всё равно привёл тебя сюда.

— Ты всё знал, что нужна чья-то жертва, и всё равно привёл?

— Когда влюблён, разве не можешь пожертвовать даже жизнью ради любимого? Поэтому подумал, что ты поймёшь мой выбор.

Только тогда туман иллюзий рассеялся и чувства разбились. Он не мог прийти в себя от накатившей волны разочарования. Узнал, что тот человек не интересовался чувствами и жизнью Эриха. Что он использовал любовь Эриха к себе, что привёл его как того, кто умрёт вместо него.

И тогда смерть была чем-то вроде порыва. Из-за того, что все его чувства оказались напрасными, было слишком невыносимо, и хотелось закончить всё здесь и сейчас.

— Хорошо, делай что хочешь. Теперь смешно становится убийцей, убившим друга.

—!

— Зато этим глупые чувства к тебе закончатся.

Страх в момент, когда оборвалась жизнь, на удивление не было. Скорее было облегчение. Может, из-за молодого пыла и шока от предательства так легко отдал жизнь.

Боль в момент, когда кинжал пронзил сердце, была короткой, и в последний момент видеть лицо, полное ужаса и мучений, было даже приятно. Было бы лучше, если бы история закончилась там. Действительно нужно было там поставить точку. Но...

История, которая должна была закончиться, обошла конец невыносимым образом.

— Прости, Эрих. Что я, что я с тобой сделал. Как мог поступить так жестоко...

Открыв глаза, увидел, что всё изменилось. Нежного ровесника, объекта безответной любви, не было, а перед ним был человек с одной рукой, потерянной из-за чёрного бедствия, постаревший лет на десять. Из груди поднималась жгучая боль, распространяясь по всему телу. Это была боль момента, когда артефакт занял место сердца? Или шок от того, что что-то фундаментально пошло не так?

— Я, кажется, был слеп. Не понимаю, зачем сделал такой выбор. Больше не буду так

поступать.

Сначала, возможно, был чуть-чуть рад. Ведь если любимый человек пожертвовал даже рукой, чтобы воскресить тебя, кто угодно немного обрадовался бы. К тому же раскаивается в ошибке и обещает не повторять, так что естественно, что сердце дрогнет.

Наверное, и у Эриха было так. Если бы не заметил одну смущающую деталь.

— Я добыл артефакт чёрного бедствия, чтобы отменить свой выбор. Понимаешь? Теперь ты больше никогда не умрёшь. Пусть это будет компенсацией за твои страдания.

—

— Так что, Эрих. Может, теперь вернёмся к прежней "дружбе"?

В момент, когда сердце чуть дрогнуло, заметил рядом знакомого зверчеловека. Хоть тот тоже постарел, как и предок Бертрама, но в его теле было более явное изменение.

Живот, явно беременный, почти на сроке. Плюс взгляд на супруга, полный лёгкого раздражения и презрения. Явно недовольный поведением супруга...

В тот момент Эрих понял. Человек, который приводит беременного супруга туда, где друг, который его когда-то любил, настолько равнодушен к обоим - чего вообще от него ждать? Как только это осознал, голова мгновенно остыла, смятённое сердце успокоилось.

— Не могу. С тобой теперь всё кончено.

— ...Ч-что? Погоди, почему?!

— Долг за то, что ты потерял руку, спасая мою жизнь, я верну. Из-за того, что ты сделал, я теперь не могу умереть, даже если захочу, так что обещаю жить вечно и помогать твоим потомкам, если будут проблемы. Как зовут ребёнка твоего любимого?

— Бертрам. Послушай, Эрих. Пожалуйста, выслушай. Если бы не ты, этот ребёнок мог бы не родиться. Поэтому я благодарен тебе...

— Понятно. Если это имя передать будущим потомкам, мне будет легче их узнать. В любом случае.

—!

— С твоими потомками связь будет на всю жизнь, но с тобой - всё кончено. Больше не встречаемся. Живи с любимым до смерти.

На этом история закончилась. После этого Эрих действительно более ста лет скитался по окраинам страны, проверяя пределы своего тела, и не только не встречался с предком Бертрама, но даже близко не подходил к региону, где тот жил.

А первый раз встретил "молодого человека с тем же именем, потомка первого Бертрама" через 120 лет. По обещанию помог тому человеку, связь исчерпалась, расстались, и он снова скитался по миру, пока судьба не свела с другим Бертрамом, снова расставались... Так прошли сотни лет, пока не встретил нынешнего Бертрама.

— Причина такого обещания, ну... честно говоря, просто хотел убежать от раздражающего

типа перед глазами. Получил артефакт, за который пожертвовали рукой, так что не отплатить нельзя, но оплачивать такому бесстыжему и бесчувственному типу слишком обидно, понимаешь? Поэтому решил передать компенсацию потомкам. Конечно, мне тоже нужно было время, чтобы переварить шок, да и думал, что если тот беспорядочный тип смешается с кровью нормальных людей, характер улучшится. На самом деле ты ведь гораздо лучше, чем тот тип?

Закончив историю, Эрих облегчённо улыбнулся, но маленький Бертрам, естественно, не мог улыбаться. История была гораздо более неприятной и горькой, чем та, что слышал от родителей. Естественно, после этого он стал видеть кошмары ещё чаще. Хотя сейчас уже нет.

"Кстати, о времени..."

Если верить истории, Хуго освободился от прошлого главы всего два месяца назад? Действительно, можно понять смятение.

Если подумать, Юлиан тоже потерял отца всего два месяца назад. Оба сейчас переживают трудный период. Может, этим двоим тоже нужно своё "время"? Так подумав, Бертрам невольно поднял голову.

Но в момент, когда взгляд направился в небо, Бертрам усомнился в своих глазах.

— ...А?

Сквозь листву мелькнувшее далёкое небо было странно жёлтым. Нет, не просто жёлтым. Жёлтый с ярким розовым, зловещий фиолетовый, напоминающий ядовитый гриб, изначально голубой, как небо, но с каплей яда - жутко яркий синий...

"В этом лесу нужно остерегаться не только бедствий".

Бертрам услышал звон со всех сторон. Это звук разрушения защитного барьера, который Эрих установил в первый день. Разрушился не один. Эрих установил десятки барьеров по периметру зоны появления светлячков, и сейчас все они без исключения разбивались вдребезги. От звона со всех сторон голова раскалывалась.

Что-то происходит. Бертрам инстинктивно это понял.

— Эрих, вставай! Борис, Ахивальд, Хербарт, все подъём! Чрезвычайная ситуация!

Без секунды колебания он побежал к спальным мешкам, крича. Подчинённые, проснувшиеся от глубокого сна, уже спешно вылезали из мешков.

<http://bllate.org/book/15038/1423146>